Чужой среди своих

Об иноязычных заимствованиях в русском языке

На вопросы отвечают И.М. Матюшин, Е.А. Княжева, М.А. Орел, В.И. Фролов, Д.М. Бузаджи

В продолжение статьи О.В. Петровой о круглом столе «Лингвистическая безопасность в аспекте перевода» мы решили у себя в редколлегии предложить ее членам провести свой «Полукруглый стол». Тем более что для нашего журнала это тема не новая.

Мы предложили членам редколлегии следующие вопросы:

1. Что вы думаете об огромном количестве заимствований (в первую очередь, англицизмов), характерных для современного русского языка (*челлендж*, *шеринг*, *секьюрити*, *дистрибьютор*, *брифинг*)? Считаете ли вы, что в некоторых случаях заимствования в виде транскрипции оправданны? Заимствования на каких других уровнях языка (морфологическом, грамматическом, орфографическом и пр.) представляются вам наиболее / наименее допустимыми?
2. Каково ваше отношение к фразеологическим калькам, вошедшим в оборот в последнее время (*дорожная карта*, *семейные ценности*, *политически корректный*, *дать обратную связь* и т.д.)?
3. Могут ли лингвисты и переводчики каким-то образом влиять на языковую и речевую норму и играть роль своего рода барьера, препятствующего внедрению в русский язык ненужных, лишних или неудачных «иностранных» слов? Должны ли они делать это, в том числе в ситуациях, когда на употреблении таких слов настаивает заказчик?

Вот какие ответы мы получили:

МАТЮШИН ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ —
кандидат филологических наук, преподаватель перевода и переводчик-практик. Окончил факультет западных языков Военного университета. Работал ученым секретарем Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области лингвистики и деканом переводческого факультета МГЛУ. В настоящее время — доцент кафедры перевода французского языка МГЛУ.

1. Думаю, что это неизбежное и даже естественное явление, давно ставшее приметой времени. Конечно, основным фактором является доминирование английского языка в сфере инноваций, но, возможно, важную роль играют и словообразовательные особенности русского языка. Флективность русского языка, открывающая безграничные возможности для выражения малейших нюансов мыслей и чувств, порой оказывается малопригодной для номинации, скажем, технических устройств, где предпочтительней лаконичность и в определенной степени благозвучность. С этой точки зрения многие заимствования на морфологическом и орфографическом уровнях можно считать допустимыми и даже удачными. На днях комментаторы радиостанции «Маяк» в шутку предложили называть смартфон «мудрозвоном», хотя, с другой стороны, слово «мобильник» вполне звучит по-русски.

Неприятие и досаду вызывают «иностранные» слова, дублирующие аналоги в русском языке и не добавляющие никаких оттенков смысла, кроме модного иноязычного звучания (чем отличается вызов от челленджа, наставник от тьютора, а выступающий от спикера?). Еще бóльшую досаду вызывает употребление таких слов в качестве искусственных синонимов и создание бессмысленных дихотомий («тренды и тенденции», «толкование и интерпретация»).

2. Отношение отрицательное, и не только потому что из подобных выражений вылезают «ослиные уши» дословного перевода. Из года в год прошу студентов рассказать, как они понимают словосочетание «дорожная карта». Наиболее расхожий ответ — это географическая карта с обозначенной сетью дорог. Не думаю также, что «простому человеку», далекому от дипломатических кругов, хорошо понятно выражение «переговоры на полях». Так что эти буквализмы не только уродуют русский язык, но и затеняют смысл понятий, обозначать которые они призваны.

3. Убежден, что это историческая миссия лингвистов и переводчиков. Можно привести много удачных неологизмов, вошедших в русский язык как раз в результате переводческой деятельности, тем более что трепетное отношение к норме родного языка у нас в крови. В термине «заимствование» много лукавства, ведь на самом деле речь идет не о мнимом «переходе» слова из одного языка в другой, а о создании неологизмов по иноязычной модели. При этом единственным путем, приводящем к такому результату, является акт межъязыкового перевода. Так что переводчик (в роли ко-

торого может, конечно, выступить журналист, дипломат или билингв) — центральная фигура и источник всего сложного процесса появления в языке «иностранных» слов, в котором задействованы социальные, культурные, политические факторы, а иногда просто есть место случайности.

Лингвистам и переводчикам сложнее играть роль барьера на пути нежелательных заимствований, но и здесь мы как минимум должны показывать пример и предлагать альтернативу. Ситуации, когда на употреблении таких слов настаивает заказчик, — совершенно другая история. Здесь мы бессильны, так как во многих сферах и даже отдельных компаниях сложился свой метаязык, на котором они говорят, и только такой язык они понимают. В этих компаниях «начальник отдела кадров» давно стал «эйчаром», а «НИОКР» — «ар-энд-ди». Если, осуществляя перевод для персонала компании «Ашан», я скажу «торцевая витрина», а не «тэ-жэ» (tête de gondole), меня, конечно, поймут, но посмотрят удивленно. С этим уже ничего не поделать, хотя порой очень хочется.

Скорее, миссия переводчиков по сохранению русского языка должна проявляться в формировании норм русского литературного языка, о чем прекрасно написала О.В. Евтушенко на страницах нашего журнала (см. статью О.В. Евтушенко «О роли переводчика в формировании норм русского литературного языка» // «Мосты. Журнал переводчиков». 2021. №1 (69)).

КНЯЖЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА —
кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации Воронежского государственного университета.

1. Получается так, что сначала я реагирую чисто эмоционально. В каких-то случаях меня это сильно раздражает (*челлендж, шеринг, коучинг, клининг, пруф)*, а в каких-то — вызывает недоумение или даже смех *(лайфхак, инфлюенсер, заканселить, алармизм, вау-эффект*). С другой стороны, многие заимствования очень быстро начинают восприниматься как нечто удобное и привычное (*форс-мажор, дедлайн, фидбек, датасет),* и вдруг я ловлю себя на том, что начинаю активно использовать такие, например, слова, как *троллинг* или *забанить.* Вот оно, тлетворное влияние интернет-коммуникации! Но если говорить о допустимости или недопустимости заимствований серьезно, то первое, что приходит в голову лично мне, это не уровни языка, а скорее, функциональный аспект проблемы. Например, девушка рассказывает о том, что ее встреча с *крашем* (т.е. любимым человеком) вообще-то оказалась *кринжовой* (т.е. прошла плохо). И делится она этим в «Инстаграм», что говорит о явной пароль-

ной функции использования этих единиц. Поэтому и интересно посмотреть, с чем мы имеем дело в каждом конкретном случае. С освоением некой новой реальности (что, кстати, иллюстрирует слово *инстаграм*)? Или же со следованием некоторым модным тенденциям? Или — совсем просто — с желанием продемонстрировать себя как личность цивилизованную и в высшей степени прогрессивную? Здесь, мне кажется, было бы интересно объединить исследовательские усилия лингвистов и социальных психологов.

2. Количество хлынувших в наш язык фразеологических калек огромно, а стремительность их «освоения» действительно заставляет задуматься. Следует отметить, что и данные примеры, и примеры, о которых говорилось выше, получили чрезвычайно широкое распространение как в бытовой коммуникации, так и в коммуникации профессиональной. Однако ситуация здесь, на мой взгляд, неоднозначна. С одной стороны, заимствование иноязычных терминов, культурных реалий или сленга путём калькирования происходило у нас всегда, и особенно в те периоды, когда та или иная культура или общество начинали восприниматься как эталонные. С другой стороны, повальное увлечение кальками и транслитеремами связано, на мой взгляд, с тем самым стремлением к самодемонстрации и желанием быть «своим» в той или иной сфере общения, о чем я уже говорила выше. То есть здесь также доминирует парольная функция, сигналящая о принадлежности говорящего к некой культуре или группе, которая по какой-то причине престижна и привлекательна. Причем это свойственно не только молодежной аудитории — совсем взрослые и весьма серьезные люди ведут себя не лучше. Сегодня, наверное, только самый ленивый политик или руководитель не упомянул про *вызовы*, а теперь уже *челленджи современности*, про все те же *дорожные карты* или *отказоустойчивое функционирование*. Но главная беда в том, что многим это нравится, и кальки такого рода начинают активно воспроизводиться по самым разным поводам и без, как, например, произошло со словосочетанием *мягкая сила* («Мягкая сила свойственна не только таким высоконравственным людям, как Махатма Ганди»). Если принять во внимание концепцию американского политолога Джозефа Ная, который, собственно, и ввел в научный оборот термин *soft power*, то совершенно очевидно, что в различных контекстах более уместными могли бы быть такие выражения, как *использование несиловых методов, культурно-гуманитарное влияние, привлекательность* и даже *гуманитарное оружие*.

3. Здесь мне очень хотелось бы дать утвердительный ответ. Но это не совсем честно, потому что тогда я просто буду выдавать желаемое за действительное. Поясню, что я имею в виду. Во-первых, фактор времени. Это упрямая вещь, и в данном случае время работает не на нас. Ведь заимствования появляются мгновенно и под влиянием все той же интернет-коммуникации стремительно переходят в разряд модной фразеологии. Во-вторых, их привлекательность во многом усиливается, и даже не по вине журналистов (в которых мы часто видим основной корень зла), а благодаря популярным и привлекательным личностям — тем же блогерам и ведущим различных каналов. В-третьих, свою главную негативную роль играет достаточно низкая языковая и речевая культура общества в целом. В противном случае можно было бы рассчиты-

вать на существование своеобразного фильтра, но пока, к сожалению, я этого не наблюдаю. И, в-четвертых (хотя может быть это и есть во-первых) — отсутствие тех самых нормальных, приемлемых, аутентичных речевых образцов. Ведь в подавляющем большинстве люди читают тексты, которые имеют примерно такой вид: «Но сегодняшний *ивент* стал для всех наукой. Подойдя ко входу роскошной *локации*, *инфлюенсеры* всех мастей, журналисты и звезды, прибывшие с опозданием, получили от ворот поворот. Кто-то на вечеринку попал, но большую часть по какой-то причине внутрь не пустили. Минусовая температура не стала бы проблемой для людей в пуховиках и в термобелье, но для *пресс-волов*, как мы уже знаем, так не одеваются»[1].

Вместе с тем я убеждена в том, что одними сетованиями и запретами проблемы не решить, поэтому начинать надо с самих себя, со своей собственной профессиональной коммуникации. Достаточно посмотреть на программы наших научных конференций, которые в последнее время стали называться не иначе как *форумами*, секционные заседания — *платформами*, а руководители секций — *модераторами*. А не так давно рецензент одного очень солидного журнала предложил внести в статью некоторые *минорные правки*… Если же говорить о роли профессиональных переводчиков, то далеко не секрет, что зачастую вполне приемлемые речевые образцы, которые они предлагают, часто отвергаются заказчиком и по этой причине остаются незамеченными. И хотя я считаю, что эти вопросы следует обсуждать с заказчиком, результаты такого обсуждения прогнозировать пока еще довольно сложно.

ОРЕЛ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ — соучредитель переводческой компании IB Translations. Окончил переводческий факультет НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и аспирантуру при факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. В прошлом преподаватель ФИЯР МГУ им. М.В. Ломоносова (экономический и деловой перевод, компьютерные технологии в переводе).
Письменный и синхронный переводчик, редактор, руководитель переводческих проектов, специалист по автоматизации перевода. Основные сферы переводческой специализации — экономика, финансы, бизнес, инвестиции, банковское дело, право, нефть, газ, добыча полезных ископаемых, энергетика, металлургия. Сфера научных интересов — переводоведение, коммуникативно-функциональная теория перевода, интерсемиотический перевод, психолингвистика, нейролингвистика.

1. Думаю, что заимствование — это объективное лингвистическое явление. Без заимствований не обойтись: они заполняют лакуны в принимающем языке, «оптимизируют» его (как сказали бы консультанты), обогащают язык и культуру,

[1] https://tgstat.ru/channel/@devilwearshandm

способствуют межкультурному диалогу. Другой вопрос, что степень проникновения заимствований должна быть разумной.

И здесь начинается самое сложное: как ее определить? Часто приходится слышать: мол, правил нет, одни исключения, каждый сам решает. Разве? Но ведь язык — это сущность точно не менее объективная, чем процесс заимствования. А лингвистика — естественная наука, эту объективную сущность изучающая. Значит, язык живет и развивается по своим закономерностям, которые определять не нам, носителям, лингвистам и нелингвистам[1]: мы можем их лишь выявлять, фиксировать, чтобы потом применять на практике и нести в массы. Конечно, при этом мы должны учитывать и динамический контекст, а не только статику. Конечно, здесь есть место индивидуальному опыту и вкусовым предпочтениям каждого. Но влияние этих факторов в сравнении с лингвистическими закономерностями носит подчиненный характер, а отнюдь не абсолютный.

Убежден, что если бы в последние десятилетия к потоку заимствований активнее и шире применялся такой фильтр разумности на основе закономерностей развития и взаимодействия языков, внутренней языковой логики, механизмов функционирования внутренней формы, лексической и грамматической семантики, то мы в сегодняшней дискуссии командно не фокусировались на столь *драматическом челлендже*.

Оправданны ли транскрипционные заимствования? Даже самые ярые славянофилы из авторского коллектива «Мостов» почему-то пишут не *электронно-вычислительная машина*, а *компьютер*. Но это, наверное, потому что заимствованный однословный термин короче, проще, удобнее: яркий пример той самой оптимизации. Или взять, к примеру, *внедорожник* с *кофемашиной*. Они заполнили лакуны в русском языке путем дифференциации семантики. Ну ведь не *вездеход* это и не *кофеварка*: называть эти предметы так — было бы странно, в языке явно не хватало средств номинации. А вот *менеджер* непонятно, что добавляет к имеющимся в языке *начальнику*, *руководителю* или *управленцу*. Эти русские слова вполне покрывают необходимый спектр контекстов и значений, слоговая длина такая же — так зачем они в речи?

С утроенной осторожностью я отношусь к заимствованиям более глубинных уровней: грамматических (имею в виду как морфологию, так и синтаксис, причем и уровня словосочетания, и уровня предложения). Грамматика — это выражение и отражение нашего мышления. Мы точно хотим «переформатировать» его под пепсиколу? Это я о таких новшествах, как слова-приложения, которые вдруг стали писаться без дефиса на манер англоязычных конструкций «существительное + существительное» (*фитнес клуб*, *спорт турнир*), или, скажем, деепричастные обороты вместо номинативных конструкций в названиях и заголовках (*Охраняя Тесс*, *Развивая банковскую розницу*). Режет глаз и путаница в лексикализованных грамматических формах: *выборы* (от *choices*). А вот похожее *риски* я считаю оправданным вхождением в терминосистему русского языка. До того, как в нашу действительность пришел обширный понятийный аппарат теории и практики управления рисками с подробней-

[1] И уж точно не юристам, апеллирующим, например, к соглашениям международного уровня, когда-то кем-то популистски подписанным, согласно которым всем теперь, мол, надо употреблять перед топонимом *Украина* предлог *в*, а не *на*.

шей классификацией последних, общего неисчисляемого *риск* русскому языку действительно хватало, но те времена прошли.

Так же к заимствованиям, глубинно влияющим на мышление языкового коллектива, я, хоть это и может показаться странным, отношу орфографические: все эти бесконечные прописные буквы по поводу и без повода (*Второй Заместитель Помощника Начальника Отдела По Управлению Организационными Процессами И Процедурами, Отдел Раковин И Унитазов*). Они выражают — и искажают! — интенсивность текста, его эмоционально-экспрессивный рисунок, совершенно необоснованно привнося в нейтральный коммуникативный контекст какие-то экзальтированные интонации.

Некоторые графические заимствования, скажем, курсив вместо кавычек для обозначения иллюстративного материала, как в этой заметке, я приветствую: удобно, снижает вероятность неверного прочтения в случае, например, опечатки (если пропущен один из знаков кавычек).

К слову, на мой взгляд, приемлемая частотность заимствований в устной и письменной речи, а следовательно, и переводе, в рабочих и официальных ситуациях несколько разнится. Чем официальнее и письменнее, тем строже и «чище» должна быть речь переводчика. В устном диалоге и рабочем общении переводчик должен особо стремиться не столько к канонической непогрешимости, но и к сближению сторон, ведь наша задача — обеспечение коммуникации конкретных людей и для людей, а не ее затруднение «по инструкции».

2. Такое же, как и к остальным видам заимствований, рассмотренным выше: прагматически-разнообразное. Например, о том, что *семейные ценности* — калька, я узнал из формулировки этого вопроса. Может быть, знающие коллеги поведают мне, как эту мысль выражали по-русски до этого заимствования?

3. Могут и должны. Это наш профессиональный долг. Наша общая задача — формировать и обеспечивать тот самый межъязыковой фильтр (барьером я бы его не назвал). Мы работаем с людьми и для людей, а они каждый раз разные, со своими особенностями, вкусами и ожиданиями. Поэтому клиентоориентированность — это наше все. По сути, это один из ракурсов прагматики перевода. Но я не про подобострастие и слепое следованию любому маразму (а такое тоже бывает, как мы все знаем), а о профессиональной, осознанной и дипломатичной информационно-просветительской работе с клиентами в режиме диалога там, где он уместен, полезен и возможен. Переводчик должен быть отчасти дипломатом, уметь или хотя бы стремиться навести мосты не только между языками и народами, но и между теорией и практикой перевода, между переводоведческими монографиями и презентациями и переговорами клиентов, между своим профессиональным эго и ожиданиями заказчика. Это трудно. Но нам же никто не обещал, что будет легко, правда?

ФРОЛОВ ВАЛЕНТИН ИГОРЕВИЧ — письменный и устный переводчик, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГЛУ.

1. Заимствования — явление естественное, само по себе нейтральное. Другое дело, что заимствования — как любые языковые явления — должны выполнять специальные функции. Так, на определенном этапе развития литературного языка они могут служить его обогащению, называя новые для культуры и общественной жизни реалии. В современном русском языке заимствования распространены в разного рода социолектах. К примеру, если говорить об англицизмах, то в советское послевоенное время они были особым кодом «стиляг» и других субкультур. Уже в постсоветскую эпоху англицизмы стали отличительной чертой жаргонов программистов и любителей компьютерных игр («геймеров»). Функции в описанных случаях схожие — удобство в цеховом общении и отделение себя от «непосвященных». И здесь специальные функции заимствование оправдывают. Однако если иностранные слова заимствуются необоснованно, то это уже засорение языка. Что мы, увы, и наблюдаем сегодня. Каков глубокий смысл употребления набивших оскомину «спикеров» (в значении «докладчик», «выступающий») и «кейсов»? Чем это можно объяснить кроме бездумного попугайничания или убежденности в том, что все «западное» (даже украденное слово) прогрессивно? Итак, заимствования должны быть функционально оправданны, иначе они становятся сорняками. К сожалению, некоторые люди не понимают, что, используя новомодные, но выморочные англицизмы вроде «шеринг», «спикер» (не в традиционно парламентской терминологии) — и т.п., они не становятся продвинутыми (sic!), но в глазах образованных людей выставляют себя людьми несерьезными, а то и вовсе недалекими.

2. Фразеологические кальки, на мой взгляд, явление потенциально куда более опасное, чем заимствование путем транскрипции. Дело в том, что суть идиомы — в несводимости конечного смысла к простой сумме значений отдельных слов. Попадая же путем калькирования в другой язык, устойчивое словосочетание как бы непреднамеренно актуализируется, что приводит к искажению смысла или путанице. Представим, что некий русскоязычный человек никогда не слышал слова «политкорректный». Как он его поймет? Наверное, он подумает, что речь идет о каком-то особом этикете политиков или о грамотных политических решениях. Подобного рода кальки, порождающие какие-то неприкаянные словосочетания в родном языке, — явление негативное.

3. Конечно, язык — это самоорганизующаяся система. Знаем, да. Но, в конце концов, речевая норма складывается из словоупотреблений отдельных носителей, и каждый из нас ее формирует. Мне представляется, что лингвисты, и в частности переводчики, могут влиять на языковую и речевую норму по крайней мере по трем направлениям. Во-первых, это тексты — оригинальные и собственно переводы. Тем, кто занимается языком профессионально, не нужно торопиться интегрировать в свое словоупотребление новые модные слова и выражения. Как показывает практика, все новое и так свое возьмет, но ведь кто-то должен выполнять и охранительную функцию. Умеренный консерватизм здесь только на пользу. Во-вторых, влиять конечно же можно и нужно через преподавание. Студентам нужно показывать, какие заимствования удачны и оправданны, а какие нет, а главное — научить их чувствовать в языке фальшь и верхоглядство. И наконец, в-третьих, переводчики могут делать предисловия, в которых будут объяснены те или иные решения, в том числе отказ от новомодных англицизмов. Раньше жанр переводческого предисловия был весьма почтенным, и я призываю коллег чаще к нему прибегать.

Так, добывая хлеб насущный, переводчик может параллельно осуществлять и воспитательно-просветительскую функцию.

БУЗАДЖИ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ — письменный и устный переводчик, кандидат филологических наук, сотрудник кафедры переводоведения и практики перевода английского языка МГЛУ и Миддлберийского института международных исследований в Монтерее (США). Окончил переводческий факультет МГЛУ. Соавтор ряда учебных пособий.

1. Когда мы рассуждаем о заимствованиях, важно не впадать в крайности, когда говорящий начинает грешить против логики и позволяет себя поймать на противоречиях. Поэтому сформулирую свою позицию кратко, тезисно и с учетом возможных нюансов и возражений.

1) Я не против заимствований как таковых, поскольку без них не обходится ни один язык ни на одном этапе своего существования. Поэтому выступать против заимствований вообще так же бессмысленно, как против смены времен года.

2) Я плохо отношусь к огромному количеству англицизмов, нахлынувших в язык в последние годы. Многие из них не оправданы ничем кроме лени, пошлости и узкого лингвистического кругозора тех, кто их протаскивает в язык. Еще одна причина их засилья — это желание тех, кто их употребляет, продемонстрировать свою причастность к модному потреблению (которое в первую очередь ассоциируется с потреблением продуктов англоязычной культуры). Лень, пошлость, бедный словарь и заискивание перед иностранной модой — не те качества, которые могут вызвать симпатию.

3) Я могу предложить свои критерии «оправданности» заимствований, а также свою градацию более или менее приемлемых вариантов обозначения на русском языке (РЯ) неких ранее в нем не существовавших понятий. Итак, наиболее оправданны, на мой взгляд, заимствования (в виде транскрипции), если они обладают всеми или несколькими из следующих качеств: обозначают понятие, объективно новое для РЯ (например, связанное с новым изобретением или с реалией культуры иностранного языка); обозначают в культуре иностранного языка устойчивое понятие, а не модное, конъюнктурное слово; более или менее терминологичны; не могут быть обозначены однословными соответствиями на РЯ без сильных натяжек и риска искажения смысла; относительно коротки и благозвучны; удобны грамматически (удачно вписываются в систему склонений, спряжений и других парадигм РЯ). Примеры: «лайк», «блогер», «спам».

Наименее оправданные заимствования, соответственно, те, что этими качествами не обладают и выглядят в РЯ уродливыми инородными телами, при том что существуют (или легко представимы) вполне удачные их эквиваленты, которые не были бы варваризмами. Примеры: «лонгрид», «нон-фикшн», «челлендж»,

«бариста», «аппрув», «драфт», «буллинг», «воркшоп», «спикер» (в значении «оратор», «выступающий», «докладчик»).

4) Если в РЯ требуется ввести новое понятие, то градация вариантов, на мой взгляд, приблизительно выглядит так (по убыванию предпочтительности): существующее слово (в несколько расширенном значении), существующее слово в новом значении, полученном путем метафорического или метонимического переноса, неологизм на базе существующих в РЯ моделей, сочетание существующих слов, калька, заимствование-транскрипция, заимствование в иностранной графике.

2. Отчасти я на этот вопрос уже ответил. Кальки лучше заимствований-транскрипций и иногда они вполне оправданны или, по крайней мере, извинительны. Бессмысленные кальки вроде «дать обратную связь» или «вернуться с ответом» (в смысле просто «ответить»), разумеется, пошлы и нежелательны.

3. Каждый говорящий на том или ином языке влияет на его норму. В этом смысле не стоит ссылаться на превосходящие силы противника и рассуждать в том духе, что, мол, что я могу один, когда их так много. Ну, подумаешь, я написал «месседж»! Все же пишут. Я в одиночку язык не спасу.

Очевидно, конечно, и то, что никаким монолитным, организованным барьером лингвисты и переводчики на пути словесного шлака не станут (тем более что и среди них, положа руку на сердце, немало людей с весьма пошлым языковым вкусом). Так что остается тактика «одиночных пикетов». При этом отрадно то, что для носителей РЯ качество и чистота (как бы ее ни понимать) языка продолжают, судя по всему, играть важную роль и определенное сопротивление совсем уж оголтелым заимствованиям чувствуется.

Трудно ответить на вопрос: «Должны ли они делать это, в том числе в ситуациях, когда на употреблении таких слов настаивает заказчик?» Если переводчик-пурист будет по любому поводу спорить с заказчиком и стоять на своем до последнего, с ним никто не станет работать, на место этого подвижника придут люди гораздо менее принципиальные, и для языка переводов будет только хуже. Я бы сформулировал так. Переводчик, как хранитель языка, как человек, которому язык, безусловно, должен быть дорог (хотя бы в качестве ценного рабочего инструмента) не должен занимать позицию «Чего изволите?» Если заказчик настаивает на чем-то несуразном, стоит попробовать объяснить ему, что он заблуждается, предложить хорошие альтернативные варианты, поискать компромисс. Одним словом, хотя бы попытаться что-то изменить к лучшему. Но, думается, больше всего языку вредят не коварные заказчики, которые стоят за спиной у переводчиков и требуют вписать сюда — «челлендж», сюда — «инсайт», а сами некомпетентные переводчики, журналисты, создатели рекламных текстов и прочие пишущие люди, которые без всякого принуждения начальства бегут впереди паровоза.

Закончить ответ на этот вопрос хотелось бы бессмертной цитатой из Е. Шварца: «Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили. — Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?»